
Александр Федорович Котс

О науке и культуре в отсвете победы Красной Армии.

Среди громадных исторических переворотов в жизни мира, порожденных **Красной Армией**, ее героикой и мудростью ее руководства, имеется один — их возглавляющий: мы разумеем колоссальный сдвиг в международном положении России.

Волею ее бесчисленных сынов и дочерей, их беспримерным героизмом, повернулась новая страница мировой истории, раскрылась новая эпоха мирового положения России, — время, небывалого ее почета и признания но вместе с тем и величайшей внутренней ответственности ее перед миром. Ибо — Повелительно и властно нам предъявится по окончании Войны вопрос:

«Какие мирные блага и ценности внесете Вы в сокровищницу мировой культуры?»

И да не ответят нам: «А имена наших великих корифеев в области науки и искусства? Разве имя **Менделеева** и **Ломоносова** не оттеняют **Ленинграда**, имена **Толстого**, **Пушкина** — **Москвы**, а имя **Чехова** — далекой **Ялты** или **Таганрога**?»

Да, конечно, и освобождая Ясную Поляну и Святые Горы мы напоминали миру о великих наших гениях пера и мысли.

И, однако же, ссылаться и поныне только на былые имена, хотя бы и в немеркнувшей — их славе, — вряд ли отвечает требованиям дня.

Полезно помнить: Вместе с окончанием Войны и наступлением новой эры мирового положения России — **открывается** и «**новый счет**» в оценке ее мирных достижений.

И не трудно видеть, что оценка эта будет исключительно сурова, ибо проводится она будет в оттенении все тех же наших боевых побед, героики города Ленина, Москвы и Сталинграда.

Быть достойными последних — такова задача **русских** деятелей мысли и пера, резца и кисти.

В этой предстоящей нам задаче **две** опасности скрываются для каждого из нас:

переоценки похвалы из чужеземных уст
недооценки мировой науки, как «международного арбитра»

«Сцилла» и «**Харибда**» на путях работы русского ученого.

Начнем с «Харибды»: превышения оценки похвалы из чужеземных уст.

И в самом деле. Если до Войны, мы при показывании иностранцам наших достижений и заслушивании их похвал всегда учитывали их «реальный коэффициент» полезности и некую «прибавочную стоимость», всецело относимую за счет «любезности» нашего гостя, — то тем больше велика эта опасность ныне, когда, глядя на творения наших художников или ученых, чужеземный глаз невольно связывает их с апофеозом русского оружия, с победами под Сталинградом и Москвой, со взятием Берлина.

Но отсюда — вывод: В творческой работе русского ученого на поле самобытной мирной умственной культуры, явно или бессознательно не прикрываться нашими победами на поле брани а лишь **вдохновляться** ими... Видеть в них, этих победах, не моральную «Завесу» но моральный «стимул» и в свой мирный труд не вписывать заслуги боевых знамен, свой скромный миртовый венок не прикрывать ветвями «боевого лавра».

Такова ближайшая опасность: переоценить хвалу из зарубежных стран, входящих в дружеский союз народов-победителей.

Мы переходим ко второй угрозе: недооценить значения и роли мировой науки. И угроза эта тем реальнее, что в силу множества причин наша страна в течение долгих лет была отрезана от остального мира и советская наука не могла всегда рассчитывать на объективную оценку.

И однако, признавая этот элемент предвзятости в оценке наших достижений в ряде случаев, можно уверенно сказать что там, где речь идет и шла о подлинных успехах в области науки — весть о них ломала все иррациональные препятствия.

Противно практике финансовой, нередко вынужденной допускать хождение дензнаков «местного значения» — научные идеи ценятся лишь в «**золотой валюте**», в меру их включения в «**Международный Фонд**» науки.

«То, что национально — то уже не наука» — «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения» — так справедливо замечает **Чехов** (Том XXII, стр. 64).

И, однако, **Интернациональность** подлинной науки не лишает **Национальности** ученых.

Пусть не существует «**Русской**» Зоологии — но существуют «**Русские Зоологи**».

И выступая на международных Съездах или на страницах иностранного журнала, **русские** ученые, ломая копья за **международную** науку, охраняют честь и славу **русских** рыцарей науки или копьеносцев.

Или, пользуясь другим сравнением: участвуя в постройке **интернациональной** мировой науки, — **русские ученые** заботятся о славе **русских** зодчих, русских камнетесов.

В этом смысле самый скромный русский рядовой ученый, при общении со своими зарубежными коллегами невольно чувствует себя на положении ответственного представителя **своей** страны перед ученым трибуналом мирового знания.

И в этом смысле отчуждение от мировой науки может быть опасным, угрожая снизить, умалить масштабы производства, затеряться в частностях, утратить широту подхода и оценок.

Возвращаясь к нашему сравнению, можно было бы сказать: Ученый, не осознающий роли и значения науки, как **международной силы**, — может оказаться в роли финансиста, позабывшего о «золотой валюте».

Такова возможность второй угрозы — при недооценке «золотого фонда» человеческой науки.

Таковы две главные опасности, подстерегающие русского ученого на предстоящем ему трудном и ответственном пути.

Но существует еще третья обязательство или условие его успеха на международном состязания мировой культуры.

Чтобы убедиться в этом — нам достаточно вернуться к приведенным выше образам.

И в самом деле. Не в пример герою греческого эпоса — ученому России ныне недостаточно избегнуть Сциллы и Харибды — угрожающих его культурной миссии: переоценки похвалы из чужеземных уст, недооценки трибунала — мировой науки. Мало миновать означенные две опасности — и лишь пробиться к далям мировой науки: важно овладеть этими далями не как нибудь, не на чужом судне, подобно Одиссею, но на кораблях своей страны, под национальным флагом.

Какова же эти, свойства и черты, которые типичные для русского народа, обеспечили в широкой степени победы нашей Армии на фронте и сулят не меньшими успехами на ниве мировой культуры?

Как ни трудно, более того — как ни рискованно отображать единым словом сложный внутренний духовный облик целого народа, я решаюсь на такую смелость, выдвигая следующий тезис:

Невозможно подлинно понять историю культуры нашего народа не учтя громадной роли в его жизни факторов эмоционального порядка, в сложном их взаимодействии.

Не в том наивном смысле, что в своих поступках русский человек привык руководиться чувством более, чем разумом, но в утверждая, что понятия, или учения не оттененные эмоционально, — неспособны захватить широкой массы нашего народа.

Не случайно отвлеченные, чисто интеллектуалистические логические построения стиля Спенсера и Конта, Гегеля или Спинозы — только временно зачаровали единичные умы или кружки, не получив широкого у нас распространения.

Вот почему — оторванные от живой действительности и рожденные в предвзятых, плоских, свихнутых умах фашистские расистские антинаучные фантазии и бредни не имели ни малейших шансов перекинуться в Россию: слишком явно эти бредовые измышления противоречили живому чувству правды.

И обратно, не рассудочные доводы («их четверо а я — один!») толкнули летчика-героя **Талалыхина** на подступах к Москве, обороняя с воздуха нашу столицу протаранить вражий самолет, а незабвенного Га-стелло — ринуться подобием живого факела на стан врагов.

И совершенно также не рассудочные доводы заставили когда тяжело больного **Лебедева**, одного из величайших физиков России — на упрашивание врачей — стараться менее работать, отвечать: «На что мне тогда жизнь?»

Но не то же ли горячее, всеподчиняющее чувство долга, я сказал бы нравственного романтизма, — двинуло и двигает миллионами сердец (а не одних только умов!) на фронте и в тылу от Арарата и до Анадыра?

Это — пафос **сердца**, пламенеющего ратным подвигом или горячим словом, новым образом научной мысли, взмахом молота или резца, движением кисти и пера и всюду и везде незримой жертвой нравственного подвига.

Да, тот не понял и тому не будет суждено понять духовной мощи русского народа — кто не в состоянии учесть его способности отдаться этому идейно-внутреннему пафосу кто не способен ему громадной роли творческой, формирующей оценить роли именно эмоциональных факторов, гонение гневом на полях сражения, сердечность и в деле умственной культуры.

Но тем самым явственно определяются и направляющие вехи нашей национальной умственной культуры в сторону ее ближайшей связи с зовом повседневной жизни, жизни в ее целостном, а не рассудочном лишь понимании.

Таковы исходные психологические предпосылки — для решения конкретного вопроса, составляющего тему моего доклада:

«Методические основания нашей массовой культурно-просветительной работы вообще и в частности работы массовых музеев.»

Как и при любом теоретическом определении, так суждение о принципах культурно-просветительной работы в аудитории или музее с массовым потребителем складывается из двух моментов: отрицательных и положительных.

И как во всяком сложном деле и ответственном призвании — так и в любой культмассовой работе можно указать такие стороны или черты, присутствие или отсутствие которых предreshает все другие.

Именно к числу таких решающих, руководящих признаков относится практическая расшифровка самого понятия «**Музея массового типа**», самого понятия «**Культ-массовой работы**».

Толковать это понятие можно двояким способом: **формалистически-вульгарно**, разумея под словами «массовый» и «массы» — знания, запросы или потребителей пониженного качества, «второго» ранга. Лично мы не склонны разделять такое толкование, когда **количество** даваемого покупается конкретной и практической ценою **качества**.

Для нас, созвучно нашей полувековой культмассовой работе слово «Масса» или «массовый» имеет лишь одно значение: **запросы, знания**, объединяющие лиц, предельно разнящиеся по умственному уровню, образованию и возрасту. Короче: ставка на **количество** без **понижения качества!**

— «Но, как это возможно» — спросят нас сторонники формалистического взгляда — как это возможно, — примирить на той же экспозиции запросы академика, ученого-профессионала и сезонника-рабочего, дошкольника и педагога?

Разделяющие их отличия образования, профессии и жизненного опыта, — не предрешают ли они и разного подхода к предлагаемому знанию?

Да, разумеется, но дело и не в том, чтобы заставить академика или дошкольника воспринимать тождественно одно и то же знание и ту же экспозицию но в том, чтобы наперекор указанным отличиям расширить у обоих умственные горизонты в том же направлении, внушить, или расширять, интересы к умственной культуре, заронить или упрочить радость, познания.

Но если так — то каким образом технически осуществить эту задачу — примирить на том же материале интересы лиц, столь разных по развитию и возрасту?

Как устранить формалистический подход в решении этой задачи, о котором говорилось выше?

Первым и необходимым шагом к разрешению этого вопроса мы считаем разделение музеев массового типа от учебных и профессиональных, разделение нашедшее свое авторитетное признание самим фактом учреждения **Комитета** по делам **Культурно-Просветительных** учреждений, — в ведение которого вошли только крупнейшие музеи массового но не ведомственного порядка.

Это разделение должны приветствовать все призванные, «кадровые» старые массовики-музейцы.

И понятно, почему. Указанным разграничением **массовых** музеев от **немассовых** впервые вносится отчетливость и ясность в понимание их задач.

Цель первых — быть рассадником **факультативного** общеобразовательного знания для широких масс, безотносительно к их персональному составу.

Назначение вторых — служить источником **профессионального** образования при том в порядке **обязательном**.

Это не значит, что профессиональные музеи мыслятся, как недоступными для рядового посетителя.

Но допуская этого последнего — с известными ограничениями в свои стены эти «ведомственные» музеи ни в малейшей мере не обязаны снижать свою экспонатуру, применяясь к вкусам или меньшей подготовленности «массы».

Поступить обратно значило бы насаждать невежд-профессионалов ради спорных и сомнительных успехов для широкой «публики».

Студенту-медику и зоотехнику **необходимо** знать все кости человека или лошади, усвоить их в Музее независимо от увлекательности их показа.

Но совсем не то для массового потребителя: Обязывать его к усваиванию всех этих костей возможно лишь ценою его собственного черепа а переделывать профессиональную, учебно-ведомственную экспонатуру, подгонять ее к задачам массового просвещения — столь же рационально, как перерабатывать учебники на популярные брошюры.

И поэтому пусть продолжают быть открытыми для массового посетителя и наши ведомственные, профессиональные музеи, но без всяких обязательств перед массовым потребителем и без ответственности за итог осмотра: за психические травмы — по уходе из **Музея**, посвященного **Судебной Медицины**, созерцания муляжей резанных, утопленных или удушенных людей, за чувство скуки — после созерцания тысячей камней в геологическом музее, или сотни зарисовок скакунов и рысаков в музее Коневодства...

Никакой ответственности, никакого обязательства таких музеев перед массовыми посетителями: Эти музеи не для них!

Совсем иначе, в корне отличаясь от профессионального музея — мыслятся задачи для музеев массового типа.

Здесь вся тяжесть, вся ответственность использования экспозиции и вообще работы падает всецело на администрацию, на устроителей Музея, на его научное и руководство. И никакие ссылки на «темати-

---

ку», или «неподготовленность» музейных зрителей не смогут оправдать неусвояемости экспозиции и еще менее — томления и скуки массового зрителя.

Но, даже более того.

Как отмечалось выше — не в пример формалистическому толкованию «массовости» посещения подлинно-массовым музеем мы согласны признавать не тот, в который можно без труда всем и каждому и пройти, но тот, в котором люди самых разных возрастов и уровней образования получают увлекательные широко-образовательные знания.

Соотношение сюжета, содержания и методики его показа — вот, как всего кратче можно выразить центральную и специфичную проблему практики работы массовых музеев.

Не в пример подобной же проблеме, существующей в литературе — отношение «музейной» формы и «музейного» сюжета прямо противоположно, практике писателя.

И в самом деле, если в области литературы знатока волнует всего прежде «форма» а не содержание, волнующее всего больше «массовых читателей» — то в практике музеев массового типа положение обратное.

Знаток — любитель и профессионал воспримет ценный для него объект в любой подаче, не нуждаясь ни в каких особых методах показа и единственное, что способно оттолкнуть ученого и знатока предмета — это **элементаризм** и банальность содержания.

Не то для массового посетителя, точнее выражаясь, — для «широкой публики», по отношению к которой нечего бояться (для нее «все ново»!) элементаризма, но тем более малой доходчивости содержания и непригодности его для яркого идейно претворенного показа.

Но как раз по этой линии имеется опасность **переоценить** наглядность вещного показа для широкой публики, тем самым и ценой чрезмерной показательности экспоната оттолкнуть от экспозиции серьезных посетителей Музея, знатоков предмета и ученого-профессионала.

Сказанное поясним примером.

Показать «в музее» — можно, что угодно, от живых слонов или собак и до сушеных вшей и блох: лишь бы достало смелости и кубатуры или миниатюризма.

Показать «**музейно**» можно относительно весьма немногое: только доступное для эстетически-идейного и гармонично-целостного претворения для широких масс.

Не «общепроницаемость» но «общеувлекательность» вот что является по нашему суждению первейшим, обязательным условием работы для музея массового типа.

Разумеется, нет ничего проще, как пытаться опровергнуть это положение, сказав, что «увлекательность подачи» знания не предвещает его пользы и оправданности идеологической.

Этим любителям трюизмов и ответ наш будет трюистическим.

Мы отвечаем: общеувлекательность подачи есть первейшее но не **единственное** требование к музейно-массовым показам.

Более того, там, где «приятность формы» лишь маскирует убожество сюжета (как это обычно в зарубежных фильмах) или цирковых трюкачествах, там «увлекательность подачи» тем вреднее, чем сомнительнее польза содержания.

И все же, если после окончания музейного осмотра, посетителя Музея покидая его стены, говорят: «Экая скука!» то ни их, ни управление Музея Вы едва ли сможете утешить, ссылкой на высокую «идейность» содержания...

Полезно помнить: К области музейной практики в высокой мере приложило сказанное про искусство: без достойной формы самая высокая идея, но бездарно отраженная — есть в лучшем случае только «хорошее намерение» — а в худшем — явная дискредитация последнего.

Вот почему — первейшее условие успешности работы массовых музеев — **общеувлекательность** их содержания и формы претворения его для массового зрителя.

И что это так — в этом нетрудно убедиться, если мы учтем, самобытное и новое, что воплотилось в дни войны в нашу военную стратегию и боевую технику.

И да не скажут нам: «Победы фронта предварялись таковыми тыла! Алюминиево-стальные птицы „Лавочкины“ и „Илюшины“ и огнемётные „Катюши“ — предварялись именами их талантливых изобретателей.»

— «Все эти изобретения — ответим мы — суть детища **войны**». В этой могучей нашей авиации и грозной артиллерии имеются у нас достойные соперники и утверждать обратное — не значило бы это умалять величие наших побед и помощь наших боевых друзей.

Эти успехи нашей авиационной техники закрепились задолго до Войны победным гулом русских самолетов, именами Громова и **Чкалова**. И каковы бы ни были достоинства наших моторов, — породившие их мысли слишком интернациональны и не даром летчики всех стран успешно заменяют языком педалей разобщенность языка и речи.

Нет! Не крылья алюминия и стали — **взлеты самобытной русской мысли**, в области науки и искусства, в сфере нашей национальной умственной культуры — вот на что будут обращены пытующие взоры наших боевых друзей или завистливых врагов по окончании войны.

Короче и конкретнее: На поле мирного завоевания науки и искусства, в сфере мирного культурного служения — какие новые идеи, достижения мы сможем противопоставить боевым «Катюшам», «Лавочкинам» и «Илюшинам»?

Задача — не из легких: **национальные** по творчеству эти успехи наши, чтобы быть восприняты культурой мира — мыслятся, как **интернациональные** по результатам, по своим итогам.

Совершенно также, как рожденные патриотизмом **русского** народа «Лавочкины» и «Катюши» — помогли Каиру, Лондону и Сингапуру?

Каковы же те **не** боевые «Лавочкины» и «Катюши» — одарить которыми мы, русские, смогли бы боевых наших союзников по окончании войны, «Катюши», «Лавочкины», излагающие не огонь и сталь — но пламя самобытной русской мысли, русского ума и чувства?

Оставляя за собою скромную попытку **позитивного** решения этого вопроса в сферах и пределах, освященных полувековым и персональным моим опытом — я в силу и по праву этой полувековой моей научной и культурно-просветительной работы заключаю эту вступительную часть доклада следующим афоризмом.

В предстоящем нам великом интернациональном дружеском соперничестве в мире мирной умственной культуры — наш успех — успех нашей великой Родины — **России** — определится в широкой мере тем же свойством нашего народа и его характера, что предредило наш успех на поле брани.